

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.Н. Окара):

Можно ли еще раз прояснить отличия, в Вашем понимании, цивилизации и культурно-исторического типа, как у Данилевского? Какие критерии и факты описывают цивилизацию, цивилизационную идентичность? Какие критерии описывают культурно-исторический тип? Как они соотносятся?

Ответ:

О цивилизации говорить не будем — Данилевский только начинал развивать представление о признаках. За полтора века после этого выстроена целая система. Другое дело — понятие культурно-исторического типа. Оно и сегодня трактуется в основном так же, как и у Данилевского. Сохраняется эссенциалистский подход к этому понятию, культурно-исторический тип понимается как очень устойчивая *сущность*, которая однозначно отражает и *сущность* цивилизации.

В моем понимании дело обстоит иначе. Цивилизация — это постоянная конкуренция и борьба нескольких культурно-исторических типов, представляющих существенно разные проекты. В каждый исторический момент идентичность цивилизации описывает *в основном* тот тип, который в это время доминирует.

Это надклассовая, надэтническая общность. К этому типу могут относиться (конечно, со своими нюансами) люди, занимающие разное социальное положение. Возьмем Гражданскую войну. Генералы царской армии примерно поровну пошли служить в Красную армию и в Белую. Почему? Потому, что они представляли не только социальную прослойку, в которой были примерно равны, но и разные культурно-исторические типы. Алексееву (сыну рядового солдата) и

Деникину (сыну крепостного крестьянина) были ближе либералы, а Брусилову и Бонч-Бруевичу (из дворян) — ближе большевики. Так по-разному сложились их мировоззренческие матрицы. Так же и рабочие — они были и в Белой, и в Красной армии.

Состояние цивилизации определяется наличием тех культурно-исторических типов, которые вырабатывают и отстаивают альтернативные цивилизационные проекты. Так, в начале XX в. кадеты представляли уже укорененный в России, обладающий большими ресурсами культурно-исторический тип с его цивилизационным проектом для России — либерально-буржуазным, — но рожденным в лоне российской действительности и русской культуры, а вовсе не импортированным из-за рубежа. Западники были частью нашей культуры.

Нельзя сказать, что они выражали сущность России как цивилизации, однако без их проекта, без их борьбы с проектом сословной модернизации или с проектом уже советской модернизации не было бы и советского строя. Он дорабатывался, во многом, благодаря диалогу и борьбе и с кадетами, и со Столыпиным, и даже с черносотенцами. Все они были *соавторами* советского проекта.

Таким образом, нельзя сказать, что идентичность цивилизации определяется только доминирующим типом; она складывается в процессе цивилизационного *конфликта*.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Первое. СССР был страной-цивилизацией. В 1985 г. по самым разным показателям его мощь была максимальной. Это не помешало ему развалиться за 6 лет горбачевского периода. Что же такое произошло на языке цивилизационной устойчивости и непотопляемости?

Второй вопрос касается Вашего тезиса, что цивилизации в своих характеристиках динамичны и эволюционны, трудно найти исторические инварианты, их описывающие. Соответ-

ственно, цивилизация — страна Российская империя, цивилизация — страна СССР, цивилизация — страна нынешняя РФ. Есть ли в них общее, преемственное?

Третий вопрос — относительно ядов (в Вашей терминологии), которые могут поразить цивилизацию. Можно ли сейчас изобрести такой яд, который способен поразить, скажем, китайскую цивилизацию, чтобы она тоже за 6 лет загнулась?

Ответ:

В чем я вижу причины краха, опрокидывания советского корабля? Очень многие его системы находились еще в фазе роста и укрепления. Но в целом кризис модернизации был гораздо глубже, чем казалось, судя по внешним индикаторам. Советский проект был выработан в традиционном обществе России под большим влиянием «архаического» (по выражению Вебера) крестьянского коммунизма. Тот советский строй, который существовал до смерти Сталина (до прихода Хрущева), складывался на центральной мировоззренческой матрице крестьянского традиционного российского общества. Он был легитимирован этим крестьянским коммунизмом.

Марксизм являлся «тонкой пленкой европейских идей», которые придали традиционному обществу импульс развития, прогресса, т. е. эта «пленка» соединила идеалы норм Просвещения с традиционным обществом. Но урбанизация и модернизация 1960-х гг., т. е. значительная и очень быстрая смена всего образа жизни почти половины населения, когда еще в городах не создали пространство для удовлетворения важных потребностей большой массы людей, вызвали тяжелый адаптационный стресс.

На этот вызов не последовало вообще никакого ответа общества и государства. Старшее поколение советского «правлящего слоя» просто не могло понять, в чем причина назревавших болезненных явлений. Первым звонком неблагополучия оказались стилиаги. А во второй половине 1950-х гг. в столичных университетах инакомыслие уже стало господ-

ствовать. Это не было осознанным антисоветизмом — речь шла об отрицании советского строя *в его версии крестьянского коммунизма*. Требовалось глубокое преобразование мировоззренческой матрицы, которое легитимировало бы советский строй новыми образами и аргументами, обращенными в будущее, а не апеллирующими к бедствиям прошлого.

Я думаю, это не могло быть сделано в тех реальных условиях, поскольку именно в те годы интеллектуальная элита ударились в «аутентичный марксизм». Там они обнаружили, что Маркс заранее отвергал советский строй как грубый уравнительный коммунизм, именно как *крестьянский коммунизм*. Поэтому марксисты 1960-х гг. в основном стали антисоветчиками, как и меньшевики до революции. Интеллектуальная элита КПСС начала готовить антисоветскую революцию не из мелких побуждений, а отвергая фундаментальные основания советского строя. Я считаю, что состояние команды было уже в таково, что она была готова «перевернуть корабль».

Горбачев сделал эту работу. Другой, может быть, вырулил бы. Надо учитывать, что в то время «корабль» был объектом бомбардировки цивилизационного противника в холодной войне (сейчас многие у нас считают себя его союзником «в тылу врага»). Но руководство СССР, как и «советская» часть общества, не знало, как справиться и с внешним противником, потому что основных угроз холодной войны наше общество в 1970-х гг. уже не распознавало. Готовились к «прошлой» войне, а наступление шло в сфере сознания.

Таким образом, цивилизация-«корабль» была уже очень уязвима и хватило небольшого (но синхронного и совместного!) толчка. Что произошло при катастрофических реформатированиях разных воплощений цивилизации — Российской империи и СССР? Корабль «Российская империя» утонул, не перевернувшись. Его подняли, быстро почистили, отремонтировали, и он стал дееспособным. Корабль «СССР» утонул, перевернувшись, и его не могут поднять как целое. Из Российской империи в СССР перешло очень многое,

включая планы развития большой науки и даже пятилетние планы, специфический социокультурный тип промышленного предприятия, проект школы, готовую программу создания метрологии и стандартизации. Даже предания — когда в начале 1930-х гг. удалось подавить «космополитическую» линию в идеологии.

Главное — удалось не допустить разрыва непрерывности, сохранить преемственность дееспособности системообразующих структур старой России, например, науку. Науке придали такой статус, что она быстро довела до совершенства русский научный стиль — особый мировоззренческий тип, способ постановки проблем, который во многом компенсировал отставание СССР в экономике и технологии от Запада. Сохранилась техническая культура, русский инженерный корпус. Удалось создать школу, о которой еще с XIX в. шли острые дебаты. Эта школа воспроизводила не классы, а «тело народа». Молодежь заставили изучать классическую русскую литературу.

Сейчас все значительно сложнее, поскольку силы, пытающиеся сделать разрыв непрерывности необратимым, гораздо более влиятельны, а силы противодействия — слабее.

Про Китай. Я считаю, что Китай, опираясь на особенности своей цивилизации и на опыт, который сохранен, систематизирован и освоен, выработал, в отличие от нас, огромный арсенал средств для блокирования подобных диверсий в сфере сознания. Иногда власти там не гнушаются и насилуют, поскольку они самодостаточны и не претендуют на статус демократического государства в глазах Запада. Опыт перестройки их очень сильно потряс. Они внимательно следят за процессами, и все же в среде партийной интеллигенции, похоже, витает ощущение возможной катастрофы. Но я думаю, что там ведется работа на инженерном (а не идеологическом) уровне — и по оценке ресурсов, которыми обладает Китай и его противник, и по созданию средств, чтобы блокировать угрозы.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

У меня вопрос по поводу живучести корабля и цивилизации. Позволю себе привести метафору, своего рода историческую переключку — крейсер «Варяг», затопленный русскими матросами, или корабли, затопленные в 1854 г. в бухте Севастополя. Живучесть — это самодостаточная категория или должна быть какая-то идея выше живучести цивилизации и с ней надо соизмерять существование этой цивилизации?

Второй вопрос. Живучесть цивилизации и живучесть государства. О чем шла речь — о России как цивилизации или о России как государстве? Всегда ли это одно и то же? Можно обратиться к Григорию Федотову, который предлагал в свое время перенести в Киев столицу России в цивилизационных целях. Не может ли быть принципиального столкновения живучести государства и живучести цивилизации?

Ответ:

Трудно отделять живучесть от идеи, потому что цивилизация, утратив идею, болеет, но она еще живуча, потому что само преодоление кризиса, катарсис, в принципе должен подвести к новой основе для старых идей. Если мировоззренческое ядро размыто, если матрица растащена конфликтующими сторонами, то это ведет к гибели или переформатированию цивилизации. Предсказать, что из этого выйдет, пока нельзя.

Второе. Цивилизация и государственность — вещи, конечно, связанные, но довольно автономные. Возможна утрата государственности, даже длительная, или ее переформатирование, как это происходило и с Западом — государственность сильно менялась, но преемственность цивилизации сохранялась. Более того, даже такие катастрофы, как Реформация, не пресекли цивилизационную траекторию Запада, хотя часто говорят, что Новое время — это новая цивилизация. С таким крайним утверждением на Западе вряд ли согласятся, да и мы тоже. Понятие цивилизации очень широкое, и смысл его

каждый раз уточняется контекстом. В общем, потеряв государственность, цивилизация может сохраниться. Более того, она, сохранившись «в катакомбах», может стать условием создания новой государственности.

Вопрос (А.В. Бузгалин):

У меня ряд уточняющих вопросов. Во-первых, понятие цивилизации очень многозначно. Не могли бы Вы дать определение или сослаться на кого-то из авторитетов, с кем Вы согласны? Второе: каковы отличительные характеристики российской цивилизации по отношению к любой другой цивилизации? В частности, у Вас в тексте есть такая фраза: «главный вопрос цивилизации — это что есть человек?». Так что есть человек для российской цивилизации?

Ответ:

Поскольку понятие цивилизации очень многозначно, вполне можно быть согласным с разными авторитетами, которые употребляют это понятие в разных контекстах. В данном случае мы говорим о России как о локальной цивилизации — примерно так, как Тойнби.

По второму вопросу. Понятно, что здесь коротко не ответить. Можно собрать отличия в десяток главных блоков, и в каждом будет примерно по десятку существенных отличий. Если кратко, выберу такие признаки. Российскую цивилизацию отличает следующий тип общества: специфическое традиционное общество, находящееся в состоянии модернизации, в отличие от гражданского общества Запада. Соответственно этому — и представления о пространстве и времени, о человеке и государстве, о собственности и типе хозяйствования.

Например, русская поземельная община отличалась от остальных общин (что игнорировали Маркс и Энгельс). Она была перенесена в город, в промышленность в виде особого типа промышленного предприятия, а именно — *советского*

промышленного предприятия. Это совершенно особая социокультурная организация. Советская школа тоже по-другому строится.

К вопросу о человеке. В православной философии говорилось о соборной личности, т. е. во-первых, не *индивид*, как на Западе; во-вторых, не включенный в клановую, кастовую или жесткую сословную систему, как в восточных традиционных обществах.

Вопрос (А.В. Шубин):

Что такое «структурная полнота нации»?

Ответ:

Нация, чтобы «держат» современную цивилизацию, должна иметь набор ролевых функций, соответствующий тем задачам, которые необходимо выполнять для обеспечения жизнеспособности и развития этой цивилизации.

Вопрос (А.И. Фурсов):

Правильно ли я понял, что советское общество — это традиционное общество, которое вступает в полосу упадка, как только начинается его модернизация, урбанизация, т. е. оно запрограммировано на непереход? Урбанизация — это неразрешимая для него проблема?

Второй вопрос. Вы говорите о крестьянском коммунизме в советском обществе. Вы считаете, что русская пореформенная деревня с 1860 г. по 1920 г., которую народники называли «трактирной цивилизацией», — это крестьянское общество? Вы считаете, что крестьянство 1920–1940 гг. — когда говорили, что советский строй воплотил идеалы русского крестьянского коммунизма — являлось носителем этой идеи?

Ответ:

На первый вопрос ответ «нет». Вы неправильно поняли. Я не считаю, что традиционное общество несовместимо с

модернизацией и урбанизацией. Считать так, живя в СССР, было бы нелепо.

По второму вопросу — «конечно, нет». То есть, я не принимаю самого вопроса по форме. Вы ввели много таких постулатов, с которыми я не согласен, а отвечать вроде бы должен в заданных Вами рамках. Как понять вопрос: «Вы считаете, что русская пореформенная деревня с 1860 г. по 1920 г. — это крестьянское общество?»?

Видимо, Вы считаете, что, конечно же, нет. Не может русская деревня быть «крестьянским обществом», и это знает каждый логически мыслящий человек.

Почему носителем «идеалов русского крестьянского коммунизма» должен быть только крестьянин? Это не имеет под собой ни исторических, ни логических оснований. Разве носителями идеалов Просвещения может быть только французская буржуазия конца XVIII в? Или здесь тоже парадокс — мол, не мог же крестьянин быть носителем идеи крестьянского коммунизма?

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Ваш доклад заканчивается фразой, что все-таки Россия выживет как цивилизация. Вопрос: если цель — сохранить российскую цивилизацию, то какая форма деятельности или управления ей адекватна? Демократическая или тоталитарная?

Ответ:

Неважно.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Есть ли конструктивная перспектива у России как цивилизации? В этом вопросе два смысла: во-первых, довольно часто здесь цивилизация отождествлялась с понятием империи. Во-вторых, современная Россия, Россия — РФ, существенно отличается как от СССР, так и от Российской империи,

хотя бы даже в таком механистическом отношении, т. е. то, что на территории Российской империи сейчас 21 государство, на территории СССР 19 государств существует. Есть ли в этих условиях конструктивная перспектива у России как цивилизации, а не как национального государства?

Ответ:

Вопрос странный, разъяснение — тоже. Что значит «конструктивная перспектива»? В отсутствие созидательного импульса и не может быть перспективы. Деструкция — это пресечение перспективы.

О первом смысле вопроса: не думаю, что упоминание империи в рассуждении о судьбе цивилизации можно считать «отождествлением» этих двух целостностей.

Второй смысл я, возможно, понимаю неправильно. Почему надо противопоставлять цивилизацию национальному государству? Разве это равноположенные понятия?

Я считаю, что противопоставлять необязательно — цивилизация может совпадать с национальным государством, а может и не совпадать. Есть, например, понятие «Русский мир». Это ведь не государственность. Это срез цивилизационных отношений.

Может быть, Вы спрашиваете, есть ли у России возможность построить национальное государство западного типа и сохраниться как цивилизация? Я думаю, что нет. Национальные государства строились путем подавления или сильного приглушения этничности племен и народов. Происходила или их ассимиляция одним из больших народов, или их сплавление в новую нацию. В России сложился иной тип государственности и полиэтнической нации — русское ядро с обрамлением иных народов, которые не заставляют терять свою этничность. Видимо, эту модель не сломают в XXI в., она продолжит свое развитие. Это не империя западного типа, эти понятия широки и условны. Россия и сейчас осталась империей-союзом и смогла пережить бунт этничности,

который произошел в 1980–1990-е гг., но который является болезнью роста. Я считаю, что российская цивилизация может выжить, и для этого будет предпочтительнее сохранить ту модель межнационального общежития, которая сложилась раньше.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Второй вопрос. В докладе Вы противопоставили ситуацию в России и Украине в пользу России. Украина, с Вашей точки зрения, находится в историческом тупике. В чем Вы его видите? И в чем состоит преимущество России по сравнению с Украиной?

Ответ:

Я говорил, что Украина переживает болезненный период и что она переболеет им. Оранжевая революция привела к спаду очень многих показателей — социальных, хозяйственных. Но главное, государственная власть приняла доктрину нациестроительства, которая загоняет общество в тупик и даже ставит под угрозу культурную и политическую целостность Украины. Эта доктрина основана на этническом национализме и сплочении нации через создание образа врага, который вторгся и пресек Золотой век. Этот враг — русские. Тенденция хорошо известна из опыта африканских постколониальных государств, которым удалось навязать эту доктрину (в отличие от Азии). Вместо сплочения нации образом будущего такой национализм ведет к трайбализации. В Российской Федерации этого, в общем, удалось избежать, хотя угроза скатиться на этот путь все еще велика.